

www.volsu.ru

**СИЛА СЛАВЯНСКОГО СЛОВА
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:
ПОЛЬСКО-РУССКИЕ КОНТАКТЫ XVII–XVIII ВЕКОВ.
О СЕРИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МАЛОИЗУЧЕННЫХ ТЕКСТОВ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
СТАРОПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ «НЕПОЛЕЗНОГО ЧТЕНИЯ»**

(Рец. на кн.: Małek, E. Первый древнерусский перевод Апофегмат Беняша Будного. Исследование и издание текста [Текст] / E. Małek. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2011. – 215 s.; Małek, E. Апофегматы Беняша Будного в переводе Петровского времени [Текст] / E. Małek, S. Nikołajew. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 2012. – 417 s.; Małek, E. Повесть утешная о купце Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью) [Текст] / E. Małek. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 2013. – 272 s.)

Тупикова Наталия Алексеевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
tupikova195@mail.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Кропотливая, «усердная» изыскательская деятельность в том направлении, которое связано с изданием древних текстов, является одним из условий успешного хода и прогресса в области славянской филологии. Достойное место в этом плане должно занять определение влияния польской литературной традиции на русскую, которое, хотя и «только промежутками», по словам В.И. Ягича [4, с. 887], наблюдалось в средневековый период. Исследования памятников письменности, раскрывающие различные стороны культурно-языкового взаимодействия народов,

представляются чрезвычайно важными для осознания «цементирующей» доминанты духовного наследия славянского сообщества и роли конкретного человека в формировании этого наследия [2], нравственных и социальных ориентиров людей.

Рецензируемые книги, вышедшие в серии «*Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej*», являются составной частью фундаментального труда Элизы Малэк, профессора Лодзинского университета, по разысканию, изучению и опубликованию забытых и малоизвестных

произведений [1; 5; 6], что потребовало анализа значительного корпуса переводных, рукописных и печатных, текстов на основе сочетания текстологического, литературоведческого, культурологического и лингвистического подходов.

Первая встреча русичей с книгой польского гуманиста Беняша Будного «Краткие и витиеватые повести» состоялась в ее польской версии и кириллической транслитерации. Однако уже вскоре появились два независимых друг от друга древнерусских перевода названного сборника (греч. *Апофегматы*). Сделавшие в московских землях на исходе XVII в. (в конце 1680-х гг.) своеобразную «карьеру» его автору, они еще почти два столетия потом распространялись в виде рукописных списков (Малэк 1, s. 18–21). В начале XVIII в. (1711 г.) третий перевод *Апофегмат* появился под названием «Краткие, витиеватые и нравоучительные повести». Небольшая книжечка стала «одной из немногих книг литературного содержания, удостоившихся печати только что введенным (1708 г.) гражданским шрифтом», и не раз подносилась государем Петром I в качестве подарка своим ближайшим вельможам (Малэк 2, s. 5–6). Другое сочинение Беняша Будного – польская обработка одной из новелл «Декамерона» Боккаччо, представленная как произведение «Повесть утешная о купце, который заложился с другим о добродетели жены своей», она привлекла внимание на Руси в конце XVII в. и функционировала в нескольких редакциях XVII–XVIII вв.: Первоначальной, Краткой, Распространенной, Назидательной, Сказочно-былинной. О популярности перевода свидетельствует хотя бы то, что Первоначальная редакция Повести оставалась в кругу чтения любителей старинной литературы по меньшей мере до начала XIX в., Назидательная охотно использовалась в монастырской среде, много примеров обращения к названным рукописным древнерусским текстам, как утверждает Э. Малэк, имеется и в XIX–XX вв. (Малэк 3, s. 115, 121).

Столь счастливо известные при жизни и после смерти Будного его Повести, однако, лишь изредка оказывались в поле зрения ученых – полонистов и русистов, хотя отдельные апофегмы как источники изучения древнерусского языка еще Ф.И. Буслев включил в одну

из первых исторических хрестоматий, заострив внимание тем самым на значимости такого рода переводных рукописей для преподавания словесности и ее истинного познания.

Возможности сегодня прикоснуться к уникальному материалу с целью его всестороннего изучения автор и руководитель рецензируемых исследований обязан академику Д.С. Лихачеву, личное знакомство с которым в свое время и творческое сотрудничество позволили добиться разрешения на нынешнюю публикацию *Апофегматов* Будного. Следует заметить, что в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» под редакцией Д.С. Лихачева словарная статья «Апофегматы» содержит указание на роль исследований Э. Малэк, благодаря которым, в частности, выявлено стремление древнерусского переводчика XVII в. к тщательному отбору русских лексических эквивалентов, что обеспечило успех сочинений Будного на восточнославянской почве [3, с. 94–95].

Стержневой информацией всех трех рассматриваемых нами изданий является текстологическая характеристика списков с элементами палеографического, археографического, литературоведческого, культурологического и лингвистического анализа рукописей. Описание учитывает научные сведения о памятниках, полученные предшественниками, а также факты собственной реконструкции, гипотезы, высказанные исследователем по поводу особенностей протографа и подтверждаемые при сопоставлении копий разных русских переводов в соотношении с польским оригиналом. Это дает возможность заполнить имеющиеся лакуны, зафиксировать типы искажений текста (отдельных слов или их частей и целых предложений, абзацев, фрагментов), которые следует связывать в одних случаях, как показывает в процессе анализа Э. Малэк, с ошибками писца-копииста, в других – с недостаточной квалификацией переводчика либо его мировоззренческими, художественными установками, языковыми и стилистическими предпочтениями. Многие примеры детального осмысления словоупотреблений (искажений при интерференции, передаче личных имен и топонимов, в словарном обозначении апофегм, словообразовательной и синтаксической структуре языковых единиц и

т. д.) свидетельствуют в пользу высказываемых автором версий по поводу дискуссионных вопросов (первичности / вторичности списков, прочтения «темных» мест, отсутствующих фрагментов, ложных представлений о реалиях, ментальных и других различий), что позволяет дать полное описание анализируемого материала.

Специфика собственно содержания переводов приводит исследователя к необходимости охарактеризовать переводческие стратегии и личность авторов переводов (Малэк 1, s. 29–45). Эта характеристика не является для ученого самоцелью, а служит, по нашему мнению, в ряде случаев основой для вытекающего из рассуждения концептуального вывода о языковой ситуации в последней трети XVII века. К такому заключению можно, например, прийти, читая подкрепленное аргументами рассуждение о первом переводчике «Кратких и витиеватых повестей» конца столетия, который, обнаруживая хорошее владение латынью и польским языком, тем не менее принадлежал к книжникам, все еще считавшим церковнославянский язык литературным в Московской Руси.

В процессе анализа переводческих стратегий появляются важные замечания о способах реализации в текстах комических эффектов, часто затемняющих смысл первоисточника, об отличных от польского текста акцентах в выражении соотношения «автор – читатель», культурно-идеологической роли поэтических вкраплений в древнерусских переводах и др. Большой интерес для истории русского литературного языка представляют наблюдения, касающиеся приемов деполонизации исходного текста. Многочисленные факты, приводимые исследователем, выстраиваются в определенную систему переводческих решений, отражающих попытки «очистить» произведения от «польщизны»: речь идет не только о сознательном исключении некоторых апофегм, но и о переделках в соответствии с иным, чем в Речи Посполитой, пониманием иерархических отношений в обществе, иной ментальностью носителей русского языка. В таком ракурсе логичным представляется объяснение переводческих «вольностей» – проблемы проблем (!) – в аспекте рассматриваемых стратегий. И здесь вполне доверя-

ешь рассуждениям ученого о неслучайной, например, лексической замене слова *куропатка* на существительное, ситуативно более подходящее контексту, *раб*; *пряники* – на окказионализм с абстрактным значением *сладостотворение*, образованный по модели словосложения, свойственной для книжного, церковнославянского языка; о мотивированной замене числительных в древнерусском тексте под влиянием внешних источников, известных переводчику, но незнакомых польскому автору; о случаях расширения исходного текста для смыслового усиления фрагмента за счет включения новых фраз назидательно-дидактического, императивного характера, напоминающих евангельские заповеди (Малэк 1, s. 43–45).

Более или менее подробное изложение вопроса об истории изучения и издания древнерусских переводов сочинений Будного в рецензируемых книгах сопряжено с постоянным вниманием исследователя к языковой ткани текстов. От внимания автора не ускользают как важные детали, связанные с сохранением «гуманистической логики» польского писателя или заменой идей автора традиционным для носителя русского языка эпохи XVII в. теологическим нравоучением, так и случаи единичных стилистических «успехов и провалов». Комплексная характеристика списков переводов дается в исследовании в лучших традициях описания рукописей.

Свободный точный язык изложения позволяет легко воспринимать сложную научную информацию даже неискушенному читателю. Автор увлекает, а лучше сказать, вовлекает нас в свое рассуждение и в археологических обзорах, и в гипотетических рассуждениях о возможных источниках древнерусского перевода, и в процессе текстолого-лингвистического сличения перевода с оригиналом, предлагая при этом самим проверить высказанные гипотезы на основе приводимых фактов (Малэк 3, s. 39–113). Какое удовольствие, например, доставляют сопоставления, подтверждающие и наши подсудные мысли о том, что «стремление сохранить стиль оригинала путем верного отражения синтаксиса и семантики первоисточника» неизбежно должно было обернуться (и оборачивается!) в древнерусском тексте

обилием полонизмов типа: *ехать до места Парижа, при той речи был, шуфляда* – «выдвижной ящик», *клейноты* – «драгоценности», *довод* – «доказательство», *казать* – «велеть», *добре ся рядил* – «распорядился», *бодем* на месте русского союза и т. д. (Малэк 3, s. 54). Какой радостью за древнего русича наполняется наше сердце, когда мы находим в многообразии фактов и примеров подтверждение тому, что переводчик бережно отнесся к тексту и получил произведение, не уступающее своими достоинствами польскому тексту! Как сразу мы прощаем русскому переводчику сознательное искажение первоисточника (?) (тут мы можем поспорить с исследователем, поскольку, скорее, это обусловлено действием традиции под влиянием церковно-книжного языка в период второй «книжной справки» и искусственной архаизации, то есть языковой ситуации, именуемой Б.А. Успенским «третьим южнославянским влиянием») с целью его изменения с помощью многословных сочетаний, «гиперславянизмов», сложных слов (чаще имен), созданных по книжным моделям (*благопостоянный, благоразумный, благоотечественный, злокозненный, великохитрственно, хитростроительница* и др.), или дополнительное, не зафиксированное в польском варианте, расширение текста, чтобы в том числе на основе выражаемых смыслов дать подсказку читателю о векторе восприятия содержания и героев Повестей! В какой восторг приходим, например, от вставленного русским переводчиком деепричастия *угобзив* (во фразе о лъстивом купце и тако *угобзив его*, что значит «ублагодарив», умаслив) (Малэк 3, s. 57–59, 77–86), сохраняющего в «своей исторической памяти» способность служить определительным уточнителем и «простирает» на читателя стилистический «аромат» старины архаичной лексемы, используемой в новом, переносном значении!

При сопоставлении принципов отбора и редактирования переводных текстов по разным спискам, здесь и там получая информацию о новых вставках в заголовочные комплексы и основной текст, заменах в разных списках нейтральных лексем на их аналоги с маркерами церковнославянизмов (типа: *уве-*

рился – *изверился, перед* – *пред, злый* – *зловымышленный* и др.), мы не остаемся в плену только общей тенденции – реставрации книжных традиций, получившей отражение и в сохранившихся списках XVIII в., но узнаем и о противоположных фактах – очищении текста от славянизмов и архаизмов общеславянского характера (в частности, в результате замен типа: *аз* – *я, рек* – *говорил, рече* – *сказал, отвеца* – *сказал, восхоцет* – *хочет, познати* – *познать, единожды* – *некогда, яко* – *что, чесо ради* – *для чего, неполногл.* – *полногл., дв.ч.* – *мн.ч.* и т. д.) (Малэк 2, s. 83–91).

В рецензируемых книгах (в том числе созданных в соавторстве) обращается внимание также на отличительные черты языка переводчиков, переписчиков (Малэк 2, s. 49–67). Особенности стиля проявляются, как показывают Э. Малэк и С. Николаев, например, при передаче смысла польских паремий, специальной лексики, имен собственных, слов, подверженных явлению интерференции и др. Есть случаи и подчеркнутого выражения собственной позиции при включении или невключении некоторых апофегм первоисточника. Но, надо сказать, хотя это и приводит к досадным пропускам фраз, а в ряде случаев – к искажению смысла текста (например: *Nazyka* – *языка, 30 000 darików* – *некий дар; synowca* – *сродника; męstwo ich w lesie* (то есть храбрость их неизвестно где) – *храбрость и в лесу за кустом*), к изменению стилистических акцентов (*arfista* – *гуселник; jedbawnych słów* (перен. приятных слов) – *таковых слов* и др.), к «буквализму» при переводе и появлению калек (*hekatego oratora* – *геката витию* и др.), что вызвано непониманием значения, отсутствием подходящего эквивалента или особыми трудностями перевода, простой небрежностью писца и некоторыми другими причинами, тем не менее анализ примеров в исследовании в основном нацелен на то, чтобы показать достоинство древнерусских текстов и полезное влияние деятельности переводчиков. Как о большой удаче и демонстрации хорошего чутья книжников говорится, когда, например, указываются такие, найденные русским толмачом, соответствия польским выражениям: *no prуду быть и плотине* – *Wedle stanu ta być grobla; кто языком много шур-*

мует, тот немного навоюет (отметим здесь, что в рецензируемом исследовании, к сожалению, не указывается на неточный эквивалент, полонизм, используемый переводчиком!) – *Kto gębą rad szermuje, ten niewiele nabije* (Малэк 2, s. 53) и др. Не остаются незамеченными и вносимые в древнерусский текст фольклорные выражения, сказочно-былинная фразеология, разговорные конструкции, не адаптированные на русской почве заимствования, варваризмы, канцеляризм и другие элементы документально-делового стиля (Малэк 3, s. 103–113).

Приводимые факты, как мы считаем, говорят о действии контртенденции, обозначенной В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным и другими отечественными учеными, суть которой заключается в усилении на исходе XVII в. роли народно-разговорной стихии в литературных жанрах, в изменении норм под воздействием общегосударственного делового, светского языка, приобретающего статус книжного во всех сферах общения и обусловившего преобразование языковой ситуации в Петровскую эпоху. А значит, на рубеже XVII–XVIII вв. мы имеем дело с одним из этапов непрерывной (!), многовековой истории русского литературного языка, и ни о каком декларируемом время от времени мнении по поводу «перерыва» традиции, литературного «безъязычия» не может быть речи.

Глубина, разносторонность и доказательность приведенных в монографических работах характеристик, убедительность анализа и соотнесения фактов, обоснованность позиции по ряду спорных вопросов или неясных текстологических признаков не оставляют сомнения в том, что сочинения Беняша Будного оказались востребованными далеким читателем из Московии на рубеже Средних веков и Нового времени, а разработанные Э. Малэк принципы издания переводов, предложенные публикации текстов занимательных рассказов, приводимые иллюстрации и факсимильное воспроизведение письменных памятников доставляют истинное удовольствие и в XXI в., продлевая жизнь вдохновенным творениям польского автора и русских переводчиков.

Исследование русских переводов Повестей Беняша Будного под углом рассмот-

рения процесса «вживления» в русскую культуру новых идей и понятий, нарративных и стилистико-языковых техник выражения «низового» содержания определяет закономерный успех издаваемой профессором Э. Малэк (в том числе в соавторстве с С. Николаевым) серии книг, которые, безусловно, свидетельствуют о воздействии польскоязычной традиции на русскую культуру. Изыскания в этой области и издание переводных произведений для «неполезного чтения» продолжаются.

Остается пожелать новых открытий!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малэк, Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. : Забытые и малоизученные произведения / Э. Малэк. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 400 с.
2. Молдован, А. В. Славистика сегодня / А. В. Молдован // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2009. – Т. 68, № 1. – С. 3–15.
3. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З / отв. ред. Д. С. Лихачев. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1992. – 410 с.
4. Ягич, И. В. История славянской филологии / И. В. Ягич. – М. : Индрик, 2003. – 976 с. – (Памятники древней письменности. Исследования. Тексты). – Репр. изд. 1910 г.
5. Małek, E. Русская нарративная литература XVII–XVIII веков : Опыт указателя сюжетов / E. Małek. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 1996. – 180 s.
6. Małek, E. Русский перевод плутовского романа о Совизжале и его судьба в России / E. Małek. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 2014. – 375 s.

ИСТОЧНИКИ

Малэк 1 – Małek, E. Первый древнерусский перевод Апофегмат Беняша Будного. Исследование и издание текста / E. Małek. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2011. – 215 s.

Малэк 2 – Małek, E. Апофегматы Беняша Будного в переводе Петровского времени / E. Małek, S. Nikołajew. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 2012. – 417 s.

Малэк 3 – Małek, E. Повесть утешная о купце Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью) / E. Małek. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego, 2013. – 272 s.

REFERENCES

1. Małek E. *Razyskaniya po russkoy literature XVII – XVIII vv. : Zabytye i maloizuchennyye proizvedeniya* [Research on the Russian Literature of the 17-18th Centuries: Forgotten and Poorly Studied Works]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 400 p.
2. Moldovan A.V. Slavistika segodnya [Slavonic Philology Today]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2009, vol. 68, no. 1, pp. 3-15.
3. Likhachev D.S., ed. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 1. A – Z* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus. Iss. 3 (17th cen.). Part 1. A – Z]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1992. 410 p.
4. Yagich I.V. *Istoriya slavyanskoy filologii* [The History of Slavonic Philology]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 976 p. (Ancient manuscripts. Research. Texts). Reproduction of 1910 Edition.
5. Małek E. *Russkaya narrativnaya literatura XVII – XVIII vekov: Opyt ukazatelya syuzhetov* [The Russian Narrative Literature of 17-18th Centuries: Experience of Plot Index]. Łódź, Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 1996. 180 p.

6. Małek E. *Russkiy perevod plutovskogo romana o Sovizzhale i ego sudba v Rossii* [Russian Translation of the Picaresque Novel on Sozzhival and Its Adaptation in Russia]. Łódź, Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 2014. 375 p.

SOURCES

- Małek E. *Pervyy drevnerusskiy perevod Apofegmat Benjasha Budnogo. Issledovanie i izdanie teksta* [The First Ancient Russian Translation of Apophthegma by Benjash Budny. Text Analysis and Edition]. Łask, Oficyna Wydawnicza Leksem Publ., 2011. 215 p.
- Małek E., Nikołajew S. *Apofegmaty Benjasha Budnogo v perevode Petrovskogo vremeni* [Translation of Apophthegma by Benjash Budny in the Times of Peter the Great]. Łódź, Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 2012. 417 p.
- Małek E. *Povest uteshnaya o kuptse Benjasha Budnogo v Polshe i na Rusi (mezhdru renessansnoy novelloy i nazidatelnoy povestyu)* [Amusing Novella on Merchant Benjash Budny in Poland and in Russia (Between Renaissance Novella and Exemplum)]. Łódź, Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 2013. 272 p.

**THE POWER OF SLAVONIC WORD IN THE HISTORY
OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE:
POLISH AND RUSSIAN CONTACTS OF THE 17-18th CENTURIES.
ON THE SERIES OF SCIENTIFIC RESEARCH
ON LESS-STUDIED TEXTS OF RUSSIAN TRANSLATIONS
OF OLD POLISH LITERATURE FOR “NON-EDUCATIVE READING”**

(Book review: Małek, E. *The First Ancient Russian Translation of Apophthegma by Benjash Budny. Text Analysis and Edition* [Text] / E. Małek. – Łask : Oficyna Wydawnicza Leksem Publ., 2011. – 215 p.; Małek, E. *Translation of Apophthegma by Benjash Budny in the Times of Peter the Great* [Text] / E. Małek, S. Nikołajew. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 2012. – 417 p.; Małek, E. *Amusing Novella on Merchant Benjash Budny in Poland and in Russia (Between Renaissance Novella and Exemplum)* [Text] / E. Małek. – Łódź : Wyd. Un-tu Łódzkiego Publ., 2013. – 272 p.)

Tupikova Nataliya Alekseevna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
tupikova195@mail.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation